

Шарова Марина Александровна

канд. филос. наук, доцент,

заведующая кафедрой

Институт истории и права

ФГБОУ ВО «Калужский государственный

университет им. К.Э. Циолковского»

г. Калуга, Калужская область

ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ

В.Н. КАРПОВА НА СТАНОВЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ

НАУКИ XIX ВЕКА

***Аннотация:** статья посвящена философско-психологическим взглядам В.Н. Карпова, его концепции «душевного самопознания» в контексте философии синтетизма. Отмечено, что философско-психологические идеи мыслителя оказали значительное влияние на научную общественность середины XIX века (В.С. Серебrenникова, К.Д. Ушинского, Г.Г. Шпета, Л.М. Лопатина, А.И. Введенского и др.), актуализировав ряд дискуссионных вопросов: учении о самопознании и фактах внутреннего опыта, творческой деятельности «Я» человека, социальной ориентированности сознания и т. д.*

***Ключевые слова:** Карпов, философия, психология, дух, сознание, самопознание, мышление, социокультурный опыт.*

В.Н. Карпов (1798–1867) – представитель школы философского теизма Киевской духовной академии. Многие его труды прижизненно удостоивались высочайших наград, но фундаментальное в области метафизической антропологии и психологии сочинение «Вступительная лекция в психологию» (1868), взволновавшее всю академическую общественность того времени, было опубликовано посмертно.

В данной работе В.Н. Карпов последовательно выстроил систему философско-психологического знания в деле уяснения человеческой природы, предмет-

ной областью которых стало сознание, понимаемое им «в значении силы психической», способной быть субъективным началом философии. Предмет психологии он рассматривал как внутренний нравственный аспект человеческой жизни, сознание фактов чувственного опыта, а также «смежных с сознанием пределов несознаваемого» [3, с. 198], где природе – отводилась безотчетная, инстинктивная жизнь, слепая необходимость, а духу – чистая свобода и бесконечное ведение. Для этого В.Н. Карпов обратился к анализу психологии интеллектуальной деятельности, прежде всего, к мышлению, возникшему как результат общественно-исторической, нравственной эволюции человека. Мыслитель показал невозможность понимания психики человека без глубокого знания социокультурной среды, исторических условий, в которых растет и формируется личность. В.Н. Карпов создал учение о самопознании как пропедевтики психологического знания, полагая что психология, равно как и философия, учит человека рассуждать «что есть Я?», поскольку всякая цель человеческой деятельности имеет необходимую связь с требованием его природы. Мыслитель показал, что философско-психологическое знание во всех видах и направлениях оправдано, если оно ведет к самопознанию и истинам Божественного Откровения, способным решить проблемы нравственного выбора [6].

Выводы идеалистической психологии В.Н. Карпова были достаточно смелы для того времени и послужили дискуссионной платформой последующим мыслителям: В.С. Серебренникову, К.Д. Ушинскому, Г.Г. Шпету, Л.М. Лопатину, А.И. Введенскому и др. Так, В.С. Серебренников в работе «Карпов как психолог» (1898), высоко оценивая его вклад в становление отечественной психологии, писал: «<В.Н. Карпов> ... сделал изучение душевной жизни и лежащей в ее основе душевной природы человека ... задачей науки психологии. Требование, чтобы в основу психологии были положены факты внутреннего опыта, нельзя не поставить в особую заслугу В.Н. Карпова. В его время господствующими были психология Гербарта и Бенеке. А известно, какое второстепенное значение придавали опыту эти психологии, построенные на метафизических предположениях.

В.Н. Карпов оказался чутким к новым, более живым веяниям в области психологии, начавшимся в конце 50-х и начале 60-х годов. Он не утратил авторитета Гербарта и Бенеке и провозгласил, что источником науки психологии должен служить внутренний опыт, свободный от предвзятых мнений. Он показал, что нравственные вопросы, тесно связанные с вопросом о человеческой душе, требуют немедленного решения» [5, с. 693, 695]. Далее В.С. Серебrenников отмечал, что В.Н. Карпов творил в сложный период, «когда в обществе ослабевало религиозное чувство и усиливалось своекорыстие и погоня за роскошью, ... когда исследователи не только не прибегали к самопознанию, но и отрицали всякую возможность его...» [5, с. 698 – 699].

Труд К.Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания» увидел свет в том же 1868 году, что и посмертно изданное сочинение В.Н. Карпова «Вступительная лекция в психологию». Однако В.Н. Карпов задолго до К.Д. Ушинского основательно подошел к вопросу о критериях самопознания как основе развития личности воспитанника не только в философско-психологической, но и психолого-педагогической областях знания («О самопознании» (1860), «Таинственная лампада и Лампадный елей» (1864). В.Н. Карпов писал: «Тогда как психология решает вопрос, – что такое человеческая душа вообще, в чем и каким образом она должна быть усовершенствована, – педагогика спрашивает, какова она в тебе и ища ответа на свой вопрос, поставляет воспитанника перед зеркалом психологических исследований» [3, с. 216–217]. Вслед за В.Н. Карповым, К.Д. Ушинский утвердил основой педагогики – психологическое знание, а методом познания полагал самонаблюдение. Их общей задачей было не допустить физиологию, или внешний опыт, в философию и психологию, поскольку любое психологическое наблюдение, которое человек осуществляет, наблюдая за душевной природой других людей, возможно только при условии предварительного самонаблюдения.

Г.Г. Шпет в работе «Очерки истории русской философии» критично оценивая идеалистические философско-психологические взгляды В.Н. Карпова, тем

не менее, не принижал значимости его достижений для развития психологического знания. Будучи сам учеником эмпирической школы психологии Г.И. Челпанова, Г.Г. Шпет рассматривал психологию как «естественное» основание философии, сферу знания с допущением протекания процесса познания почти на грани естественных наук, только иными средствами. Он акцентировал органическую связь психологии с философией, полагая, что последняя есть точное знание, необходимое для прикладного опыта. Г.Г. Шпет считал, что В.Н. Карпов, развивая идеи самопознания, неправильно понимал задачи философии: «Белинский был прав, давая пренебрежительный отзыв о Надеждине, но снисходительный о книге Карпова. Прав он был и в своем недоумении насчет ценности психологизма Карпова: Карпов, действительно, «стеснил философию» и «вместо живого духа ее, получил мертвую психологию». Отгадал Белинский и тайный источник этого психологизма: «метафизическое (в смысле автора), – констатирует он, – снова приводит нас к психологии и снова разлучает нас с истиною философией» [7, с. 168]. Интересным в контексте цитаты представляется то, что даже такой видный критик и материалист как В.Г. Белинский, которого сложно упрекнуть в симпатии к духовно – академической философии, достаточно «снисходительно» отзывался о психологических идеях В.Н. Карпова. Основную критику у Г.Г. Шпета вызвало то, что В.Н. Карпов, большей частью, обращался к самопознанию без учета фактов внешнего опыта: «... независимо от влияния плохо понятого Рейнгольда, Карпов и по существу отрывается от Круга, скатываясь под гору философии к крайнему психологизму. «Трансцендентальный синтез», который Круг видит в «первичном факте сознания» и которым маскируется его психологизм, у Карпова открыто превращается в «наше Я» с главными проявлениями его природы и с теми элементами, которые, вошедши в него из мира объективного, сделались неотъемлемым его достоянием. Посему первый момент познания есть сам человек, и первая наука в системе философии есть наука самопознания, или субъекта в сфере мыслимого» [7, с. 171]. Г.Г. Шпета и В.Н. Карпова сближают в понимании ими предмета психологии значимость феноменоло-

гической проблематики и культурно-исторический подход при изучении категории «сознание». Оба мыслителя полагали, что посредством психических процессов (памяти, мышления и т. д.) понять природу становления человека как производного не только биологии, но и культуры, невозможно. Они равно признавали, что без философии, которая должна стать основой всех наук о человеке и его творчестве, невозможно понять ни природу, ни законы психической жизни. Опираясь на широкий круг источников, в том числе и работы В.Н. Карпова, Г.Г. Шпет при обосновании своих феноменологических принципов показал, что в их основу закладываются не отвлеченные феномены сознания, а феномены исторического и культурного сознания (коллективного сознания), связанные с нравственными переживаниями каждого человека. Г.Г. Шпет в работах В.Н. Карпова видел попытки институционализации психологии, что, непосредственным образом, продолжил и в своих сочинениях («Работа по психологии» (1907, впервые опубликована в 2006), «Сознание и его собственник» (1916), «Введение в этническую психологию» (1927).

Не мог не опираться на труды В.Н. Карпова и Л. М. Лопатин, являясь на протяжении многих лет председателем Московского психологического общества (1899–1920) и редактором журнала «Вопросы философии и психологии» (1894–1905 соредактор, 1906–1918 главный редактор). Развивая философию метафизического персонализма, он в психологии обосновывал идеи субстанционального единства сознания и тождества личности, творческой природы человека и свободы воли. Ключевой позицией его философско-психологического знания стало признание духовности всего сущего, непосредственно проявляющегося в творческой деятельности «Я» человека. Подобно В.Н. Карпову, в психологическом знании единственно правильным он признавал метод самонаблюдения, а целью психологии считал «сознательную реализацию» назначенного человеку Образа (= идеала) по Подобию. Видя тенденции современного ему общества, Л. М. Лопатин достаточно точно подметил, что психология как наука начинается там, где кончается вера и остается только исследование действительности.

А.И. Введенский полагал, что научная психология должна развиваться только как описательная наука, поэтому отошел от контекста ее прежнего рассмотрения как науки о душе («Психология без всякой метафизики» (1914). В работе «Судьбы философии в России» он дал несколько поверхностную оценку наследию В.Н. Карпова, явно не усматривая в нем определенной научной значимости для развития психологии как научной дисциплины в начале XX века. Но ни оппонирующая позиция, ни вскользь брошенные характеристики («Что это за наставник! ... Карпов: у него в классе ничего не поймешь, да и потом думаешь, думаешь и все – таки часто не поймешь. Вот так профессор!» [1, с. 13]) не умаляют значимости трудов В.Н. Карпова для становления научной психологии на рубеже веков.

Об этом свидетельствует и В.В. Зеньковский отмечая, что «Карпов свободен от крайностей эмпирического метода. Он в несколько наивном энтузиазме уверен, что «беспристрастное исследование человеческой природы» достаточно, чтобы освободить наш ум от заблуждений, связать мысль с положением веры, – так как человек находит в себе живое отношение не только к миру внешнему, но и к миру высшему. Эту часть психологии Карпов называет феноменологией – и здесь он устанавливает ряд интересных различий, иногда напоминающих анализы Гуссерля» [2, с. 358]. Историк русской философии полагал, что В.Н. Карпов переделал философский трансцендентализм в «чистый» (то есть идеальный) психологизм. В.В. Зеньковский выделял в психологии В.Н. Карпова области познания: «идеалреализм» – путь познания человеком внешней реальности; и «духовное созерцание» – познание промысла Божьего посредством религиозного чувства – веры [2, с. 358]. В.В. Зеньковский писал, что подлинное бытие В.Н. Карпов мыслил, как бытие, находящееся за пределами мира. «Поэтому Карпов – и здесь он очень близок к Хомякову и Киреевскому – уверен, что «философия, развиваясь в недрах христианства, не может сделаться философией рационалистической» [2, с. 359].

В.Н. Карпов, предвидя дискуссионность вокруг его работы по психологии, писал: «... я не вдавался в теории иностранных психологов, не увлекался идеями

той или иной школы, но постоянно имел в виду гармонию мыслей о душе, как она отражается в зеркале Св. Писания, представляется в ясном сознании здравого смысла и начертана на скрижалях многовекового наблюдения» [4, с. VII]. В этих словах заключается основной смысл психологии В.Н. Карпова.

Список литературы

1. Введенский А.И. Философские очерки. – СПб., 1901. – 223 с.
2. Зеньковский В.В. История русской философии. – В 2-х т., Т. 1. – Ростов н/Д., 1999. – 544 с.
3. Карпов В.Н. Вступительная лекция в психологию // Христианское чтение. – 1868. – №2. – С. 189–229.
4. Карпов В.Н. Систематическое изложение логики. – СПб., 1856. – 327 с.
5. Серебrenиков В.С. Карпов как психолог. Памяти русского профессора В.Н. Карпова // Христианское чтение. – СПб., 1898. – №5. – С. 684–731.
6. Шарова М.А. Философия «душевного самопознания» В.Н. Карпова: к определению предмета психологического знания // Общество: философия, история, культура. – Краснодар, 2017. – №6. – С. 47–50.
7. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. – Петроград, 1922. – Ч.1. – 348 с.